

НИКОЛАЙ ТРОИЦКИЙ

К Р У Г

НОВЕЛЛЫ

Книга третья

**Мадрид
1973**

НИКОЛАЙ ТРОИЦКИЙ

К Р У Г

НОВЕЛЛЫ

Книга третья

**Мадрид
1973**

© Copyright by the Author

1973

Николай Александрович Троицкий

605 Harvard Street
Vestal, N. Y. 13850

U. S. A.

Printed in Spain

ISBN 84-399-1335-4

Depósito legal: M. 26.061 - 1973

T. Gráficos de «Ediciones Castilla». Maestro Alonso, 21. Madrid

Человеку — Другу и Брату моему —
такому беззащитному перед жизнью.

КРАБ

Прилив океана сменился отливом. Песчаный берег обнажился. Небольшой краб не ушел с водой, а остался на берегу. Он вырыл норку и спрятался в нее. Но долго сидеть он там не мог. Что-то заставляло его вылезать и осматривать все происходящее вокруг своего временного жилища.

Был он весь желтовато-серый и незаметный на песке. Но когда, несмотря на кажущуюся неуклюжесть, он быстро полупоявлялся из норки, две черных блестящих точки, как на столбиках, возвышались над ним. Это были его глаза и всегда на них желтели песчинки. Он по очереди сначала с одного, затем с другого глаза смахивал их то правой, то левой лапкой, осматривал как в перископ окружающее и... снова исчезал в норке.

**
*

Вот так же поступал один из моих знакомых. А когда я приходил к нему, он долго и нудно поучал меня, как надо жить в наше трудное и несуразное время.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Когда она вошла, он сразу же почувствовал, что ЭТО было. Медленная гневность стала заполнять все его тело и разум. И он сначала тихо, едва сдерживая себя, а затем, повышая голос и путаясь в убыстренных фразах, выговорил все, что у него накопилось в ожидании ее прихода.

Она молчала, опустив голову.

Он закончил, сказав, что совместная жизнь более невозможна и, надев пальто, направился к выходу. Она, преградив дорогу, посмотрела ему в глаза и тихо сказала:

— Я люблю только тебя, — и поцеловала в холодные неотвечившие губы.

Он долго ходил по ночным улицам. Гневность спадала — ведь ничего не было выяснено!

Усталый и измученный он под утро пришел домой.

Она спала так, как спят дети — безмятежно раскинувшись по диагонали кровати. Он, не отрываясь, долго смотрел на нее и такое большое и знакомое чувство доброй нежности и любви вновь возвращалось к нему.

Утром, позавтракав, они оба молчаливые отправились, как и всегда, на работу.

**
*

Он долго ждал в приемной родильного отделения. А когда, наконец, белоснежная сестра, радуясь за отца, ввела его в комнату матери, она оторвалась от новорожденного, взглянула, улыбнулась и вновь склонила голову к лежащему ребенку. Он был смуглый..., а она была счастлива?!

Повернувшись, забыв про принесенные цветы, он вышел и опять долго, мучительно думая, ходил по ночным улицам всю ночь.

**
*

Вот и все. Так они и продолжали жить, ничего не высказав и не договорив, принимая неизбежность процесса современной жизни.

ЧЕЛОВЕК

Горожане шли по луговой дорожке: пожилая женщина и ее двое сопровождающих. Они говорили о проблемах современного человеческого общества.

Над ними голубело небо, а по сторонам расстилались припойменные луга, усыпанные неведомыми цветами.

На одном из поворотов дорожки вылезшая на солнечный пригрев маленькая змейка при приближении людей, спасаясь, начала медленно отползать к траве. Но женщина с несвойственной для ее возраста энергией догнала змейку и стала бить цветным зонтиком; потом перешла на уколы и, по какому-то чуду, попала ей в голову, пригвоздив к земле.

Задыхаясь от волнения прошедшей борьбы и гордясь своей победой, она сказала спутникам:

— Ненавижу все ползающее!

**
*

Конвульсии тела змейки замирали.
Одним живым существом на земле стало меньше.

В ПОЛЕТЕ

За столиком кафе, расположенном на берегу океана, сидела пара. Он все время говорил, убеждал, доказывал. Она все время молчала.

— Я не могу без тебя! Ты же видишь! Живут же все так, как положено. Почему ты уходишь? Я всю жизнь искал такую, как ты. Я встретил тебя и я хочу, чтобы мы были вместе. Я буду примерным мужем; я буду делать все, что ты захочешь! Посмотри на меня!

Она грустно взглянула на него и ласково, как ребенку, сказала:

— Глупый и хороший! Ты меня увидел в полете, когда я красивая и зовущая. Если же я буду все время около тебя, я стану тусклой и обыденной. Ты меня быстро разлюбишь. Взгляни на птиц! Видишь? Сколько быстроты и изящества в полете

куличков, грации летящих чаек, весомости и, в то же время, легкости в парении пеликанов; а стремительность их броска в воду за добычей? Это неповторимо!

...Бегающие же при отливе за скатывающейся водой кулички горбаты, сидящие чайки неряшливы и нечистоплотны, а пеликаны просто уроды! Пойми это! В жизни все так противоречиво.

Встав, и проведя по его волосам рукой, она пошла легко и невесомо, как птица в полете.

**
*

Он продолжал сидеть, как в забытьи. Рядом спорила и шумела группа молодежи. Но он вначале ничего не слышал. Протест и обида нарастали в нем. «Все в жизни хорошо и красиво», — думал он, — «Зачем люди сами себе портят жизнь! Зачем?»

Сидевшие за соседним столиком умолкли, слушая ораторствующего:

— Мы идеализируем нашу планету и человека на ней. Астронавтам земля издали видится в изумительных спектральных красках, а сверкающий экваториальный

пояс делит ее на ночную и дневную стороны. Видевшие говорят, что это незабываемо! Но мы, живущие на земле, знаем ее грязь, продажность общества и ничтожество самого человека. Взгляните мельком хотя бы на наших современных женщин, и вы увидите...

Он вскочил и, метнувшись к оратору, ударил его в расплывчатое лицо, не дав ему договорить начатого.

ИСКАНИЕ

Скамейка в парке. Он и она.

Он смотрел на нее растерянно. Она отвечала ему сиянием своих синих шестнадцатилетних глаз.

— Ты думаешь я сильный, а я слабый... Ведь в нашем совместном пути я должен защищать тебя так, чтобы твои глаза светили мне всю жизнь. А я растерялся. Какой же я буду тебе спутник в жизни, если я в свои восемнадцать лет растерялся и не найду ответа.

Она хотела что-то сказать ему, но он страстно перебил ее:

— Нет, нет ты слушай! Ты должна все знать обо мне. Я перечитал очень много, ну может не очень, но достаточно. Я хочу знать о жизни, о человеке, об обществе. Я хочу знать ответы! Я уже не помню кто сказал: «Противоположности едины, но

находятся в борьбе». Так? Так! Смотри, в человеке два начала и каждое противостоит другому.

Она вновь потянулась к нему.

— Нет, ты слушай, слушай;

Добро и зло,
Цивилизованность и дикость,
Чистота и грязь,
Вера и ханжество,
Филантропия и скупость,
Милосердие и жестокость,
Любовь и ненависть...!

И все это, ты понимаешь... в борьбе!

Но что победит? Когда? Не может же до бесконечности продолжаться борьба человека с самим собою?!

**
*

Она положила ему руки на плечи и, сияя, сказала:

— Я знаю ответ! Победит наша любовь! — и поцеловала его усталые глаза.

S. O. S.

В глубине леса накапливалась влага. Капля за каплей она уходила в почву. Там капли соединялись и образовывали микро-озера в человеческую пригоршню. Но влага все прибывала, и вода искала и находила уклоны для своего исхода. Тонюсенькие струйки стремились пробить себе дорогу все вперед и вперед. Струйки соединялись, становились бойчее, сильнее и, преодолевая преграды, бежали, скрытые от людских глаз. Из них образовывались ручейки, которые иногда под покровом, а иногда и вырываясь на свет Божий, за-журчали, запели свою негромкую песню. Ручей, соединенный из них, уже смело проложил дорогу на поверхности земли. А дальше — речка лесная промыла свое русло, устелила его камнями и была такая кристальная, первозданная, какие украшали землю до появления на ней человека.

**
*

Кто-то соорудил примитивный мостик — переход через речку. Что думал строитель неизвестно: то-ли для удобства людей, то-ли чтобы они любовались ее красотой, ее прозрачностью.

На мостик вошли четверо: родители и двое сыновей — подростков. Ребята, увидев кристальность воды, а через нее, как на ладони, русло и бьющие из его глубин серебряные ключи, пришли в неистовое возбуждение и начали бросать камни или, перегибаясь через перила, плевать на зеркально-голубую поверхность.

**
*

Родители снисходительно улыбались.

НЕВОЗМОЖНОЕ

— Проходите, пожалуйста! Садитесь, — хозяин указал на кресло.

Гость сел и, улыбаясь, сказал:

— Но вы, кажется, меня не узнаете?

— Ну что вы, я отлично вас помню, но прошу извинить — ваша фамилия улетучилась из головы. Еще раз извините меня, пожалуйста.

Хозяин нервно поерошил волосы и прошелся по кабинету.

— Я не хочу, чтобы вы подумали обо мне дурно и должен коротко объяснить вам. Видите ли я... был когда-то в тюрьме и там при допросе меня ударили мраморным пресс-папье по голове, — он смущенно посмотрел на сидящего. — Тогда-то, видимо, и затронули какую-то извилину мозга, ведающую именами. С тех пор я и оказываюсь в неловком положении при

встречах с людьми. Мои объяснения, конечно, элементарны — на самом деле все обстоит сложнее. Я много читал об этом.

Гость опять, мягко улыбнувшись, промолвил:

— Это моя профессиональная область и если вы расскажете подробнее, то для меня будет очень интересно.

— Что вы говорите! — и хозяин, оживившись, возбужденно продолжил:

— Я вычитал, что наши органы чувств передают по нервной системе мозгу информации посредством электрических импульсов. Эти импульсы идут по ответвлениям нервных клеток, которых в мозгу человека, примерно, четырнадцать миллиардов. А каждое ответвление клетки, в свою очередь, имеет что-то около десяти тысяч окончаний, и вот здесь-то и происходит передача информации, полученных органами чувств.

Он стал посредине комнаты и немного успокоился.

— Наша память, которая на три четверти является унаследованной, то-есть врожденной, воспринимает эти информации. Но вот, — и он в упор посмотрел на своего собеседника, — я никак не могу по-

нять: как удар тяжелым куском мрамора мог нарушить только какую-то миллиардную ветвь моего мозга, не затронув большего? Что вы скажете об этом?

— Вы неправы, — ответил гость. — Последние исследования доказали, что память человека распределена более или менее равномерно в обоих мозговых полушариях, а не сосредоточена по отдельным специальным клеткам. Поэтому удар мраморного пресс-папье по вашей голове не мог иметь локальных последствий. Но... кто знает!?

Теперь хозяин растерянно глядел на посетителя:

— Да, да, — бормотал он, — может быть, может быть... Ну, что же, тогда вернемся к вам. Так вы пришли ко мне...?

Посетитель наклонил голову и молчал. Потом он устался в угол и, наконец, в замешательстве взглянул на хозяина:

— Извините, но я забыл, зачем я пришел к вам. У меня это бывает. Видимо после войны... Хотя... кто знает!?

**
*

Когда они были уже в прихожей, гость, глядя поверх головы хозяина, сказал:

— А знаете, о чем мы забыли оба? Это то, что мы с вами, просто, люди! И как бы я хотел, хотя это невозможно, снова стать человеком, не знаящим, что у него миллиарды мозговых клеток и тысячи каких-то окончаний. Какое это было бы счастье для меня, я думаю и для вас да и для всех людей!

КРУГ

К одиноко стоящему крестьянскому дому подошел прохожий. Редко это случилось: не только большого поселения вблизи и деревни не было.

На крыльцо вышла хозяйка и не по-городски участливо спросила:

— Устали?

— Да, немного, — улыбнувшись ответил незнакомец.

— Так заходите отдохнуть. Богатства, — она белозубо засмеялась, — нет, но людям рады.

Незнакомец вошел. Окинув взглядом бедность обстановки, он сразу же как будто зная, что ему надо, прошел вперед и сел на деревянную скамью.

В многомиллионном городе в кабинет начальника полиции вошел один из его ответственных помощников.

— Можно доложить? — почтительно спросил вошедший.

— Да, я слушаю, — устало ответил начальник.

— Миллионер исчез пять дней тому назад, в восемь часов вечера. В поисках занято свыше сорока агентов. Результатов пока нет.

— Куда тратились деньги?

— Вы знаете его музей. Там собраны картины и утварь прошлых веков, — цены этому нет.

— Его дом?

— Особняк построен по проекту итальянского архитектора. Абсолютный комфорт. Все в стиле последних достижений современного убранства и абстрактного оформления.

— Женщины и вино?

— Молодые годы были более или ме-

нее пресыщенными, последние двенадцать лет пуританскими.

— Прислуга?

— Все старые и преданные. Подозрений нет.

— Разговоры?

— Ничего особенного.

— Например?

— За два дня перед исчезновением он сказал своему старому слуге: «Устал я, брат, от всего».

— Что еще?

Подчиненный улыбнулся:

— Как шутку могу добавить. Среди самой дорогой и изысканной мебели в одной из гостиных стоит старая деревенская, колченогая скамейка, — и он засмеялся. — Причуда богатого!

Начальник утомленно взглянул на него и, после небольшой паузы, спросил:

— Ваши предложения?

— Я думаю, надо добавить на розыски еще человек двадцать. Это сенсационное дело. Расходы, как заявляют родственники, будут возмещены.

— Хорошо. Объявите об этом увеличении репортерам. А... розыски прекратить. Следующий ваш рапорт через час. Приго-

товьте дела грабежей, убийств и насилий и как вы распределите по ним освобожденных агентов.

— Я не совсем понимаю причин прекращения...

Но начальник прервал его:

— Объясню позже. Исполните приказание.

**
*

Дверь за подчиненным закрылась, и начальник остался один.

Он тоже был из простой крестьянской семьи.

ЧАСОВЩИК

— Городок наш небольшой — всего шесть тысяч населения. Но мне большего и не надо. Я только один часовщик в нем. Если даже половина — три тысячи будут иметь часы, а из них половина один раз в год придет ко мне, то это будет полторы тысячи часов. При трехстах рабочих дней в году через мои руки пройдет пять часов в день. Так оно и есть. И хватит! Если к делу относиться честно.

Сегодня мой клиент принес вырезку из газеты. Я мало читаю — некогда. Больше радио слушаю — работаю и слушаю. Я и сказал ему об этом. Тогда он сам прочитал мне. Я работал, а он читал, что мы все должны погибнуть. Может быть не мы, а дети наши. А у меня их шесть!

Я починил часы, и клиент ушел. Тогда я сам через лупу перечитал статью. Ока-

залось что земля, вода и воздух быстро загрязняются. Население земли все увеличивается, а природные запасы нашей планеты через несколько десятилетий, при варварском их потреблении, будут все использованы, тогда человечество начнет вымирать.

Я очень разволновался. После работы вечером пошел к своему соседу-учителю и спросил его:

— Как же быть и что делать?

Он спокойно ответил:

— Приостановить прогресс.

— А как?

— Никто этого не знает.

— Но возможно ли это вообще сделать? — выпрашивал я.

Он подумал:

— По моему, нет.

— Почему же нет? — настаивал я.

— Мы слишком далеко зашли. Изменить психологию людей, тысячелетиями стремящихся к прогрессу, невозможно. Для этого современного человека надо очеловечить. А это в его понятии регресс.

Я не понял, но, упорствуя, сказал:

— Но что-то же надо делать — часы то идут!

— Продолжать жить, — сказал учитель.
— Может быть что-то спасет человечество.
Но... вряд ли.

**
*

Я пришел домой и заплакал. А моя маленькая дочка смеялась над плачущим отцом — она же ведь глупенькая.

СУД

Секретарь молча положил перед судьей письмо:

«Господин судья!

Я не могу явиться в суд сам. Меня можно только привезти; мои ноги парализованы. Но я готов предстать перед судом и все, все объяснить. Да, я виноват, а дирекция библиотеки права. Я задерживал книги на большие сроки, чем положено, но никогда не присваивал их. У меня до сих пор осталось несколько очень нужных мне. Я готов их, конечно, возвратить... но прошу оставить мне временно хотя бы одну "Человек и его нравственная свобода".

Вы знаете человек, не думая, что совершает зло, все же делает его, а потом раскаивается. Страдает. Вы знаете, что и плохой человек таит в себе возможность реак-

ции на правду, а следовательно и на исправление.

Человеку часто трудно понять, что он причастен к Высшему Нравственному Началу. А только это и дает ему возможность осознания сделанного зла... Так и я...

Прошу извинить — у меня начинаются... невыносимые головные боли... вряд ли кончу... Да! Я нарушил правила... зло... Простите!»

Подпись была неразборчива.

**
**

Выходя, судья спросил секретаря:

— Когда назначено слушание дела о злом возврате книг?

— В час дня.

— Адрес этого человека?

Секретарь ответил.

Судья сразу же окунулся в шумную уличную сутолку большой артерии большого современного города. Но уже через несколько кварталов он вышел на тихую улочку и подошел к серому, безликому дому. Войдя, он постучал в дверь первой комнаты и, не дожидаясь ответа, вошел в нее.

Человек, лежащий в постели, почти бессмысленно поглядел на него и, сделав над собой усилие, вяло проговорил:

— Садитесь. Я сейчас...

Действительно, уже через минуту глаза его просветлели, и он смущенно сказал:

— Только-что принял, а вы в это время и вошли. Но это мое спасение. Кто вы?

— Я районный судья.

— Ах, это очень хорошо, — живо откликнулся лежащий и уже серьезнее добавил:

— Но вы теперь можете судить меня еще и за наркотики, вернее за их нелегальное приобретение.

Судья, как бы не услышав последних слов, спросил:

— А давно вы так... в кровати?

— Да вот третий год. Это последствия давнего ранения позвоночника. — Он все более оживлялся. — Но я не больной. Все это от прошлого. Видите ли, я в молодости увлекался революцией. Ведь молодежь во все времена верит, что она изобретет, сделает что-то новое, изменяющее существующее к лучшему. Так было и со мной. За подпольную деятельность я был посажен в тюрьму. Там я заболел тубер-

кулезом. Но после освобождения выздоровел. Еще будучи в тюрьме, я начал понимать, что революцию всегда делает меньшинство и что кровью, разрушениями «нового» ничего не создашь. Поэтому когда началась гражданская война в нашей стране, я уже выступил на стороне народа, то есть против революции.

Вот тогда-то пуля и задела позвоночник, а сейчас это только последствия...

Судья, видя что остановить его нельзя, сидел, внимательно слушая. Глаза лежащего блестели и он говорил, говорил:

— А потом жизнь эмигранта, в иллюзиях. А затем мировая война. Я, как Дон Кихот, бросился опять в борьбу с диктатурой! На войне меня контузило. И вот с тех пор боли, мучительные боли в голове. Но все это не страшно. Страшно то, что я начинаю слепнуть. Ведь у меня ничего нет в жизни, кроме книг — я читаю их днем и ночью...

— Как вы получали книги из библиотеки?

— Мой знакомый... с моими документами ходил и получал. Это нехорошо, конечно.

Наступило долгое молчание. Окна были

наглухо закрыты и плотно занавешаны. Лампа освещала лицо, обтянутое серой кожей, костлявые плечи и руки лежащего. Оживление его исчезло. Он заговорил снова, но спокойно и уверенно:

— Надо спасать человечество. Надо возрождать в человеке присущее, но утерянное им Нравственное Начало. Только оно сможет ответить ему на все происходящее и подсказать выход из создавшегося положения.

Он уже не смотрел на судью, а говорил кому-то другому, более высшему. На кровати лежал Проповедник, верящий в непреложность Истины и Правды.

— Человек бежит от современности в одиночество. Ранее он там находил Бога, и это было его спасением. Теперь, уходя в себя, наш современник ничего не находит, кроме темной и страшно зияющей пустоты. И это его гибель. Он забыл, забыл, что в каждом из нас, независимо от нас, слабо или сильно звучит голос Нравственного Начала. И все мы несем следствия нарушений как физического так и нравственного закона. Я верил в это всю жизнь, боролся за это, верю и сейчас...

Судья встал.

— Прежде всего я думаю, что вам нужен покой и врач.

Лежащий помолчал.

— Я не больной, — светло и тихо ответил он. — Я, просто, умирающий.

**

Судья вошел в свой кабинет. Постояв, он взял судебную мантию и одел ее. Попросив принести дело книжника, он вынул из папки бумаги и, разорвав их пополам, опустил в корзину.

МАЛЬЧИК У ЭКРАНА

Мальчик ходить не мог. Он передвигался в кресле. Миллионы здоровых ребят бегали, играли, дрались и шалили по всему земному шару, а он не мог. Вот и сейчас тонкими и худыми рученками он, умело передвигая колеса, подкатил кресло к телевизору, включил его и быстро нашел то, что хотел.

На экране бушевали зрители стадиона. Сто тысяч людей кричали, свистели, поддерживая этим своих любимцев-игроков. Публика в своем увлечении забыла о том, что все игроки были высокооплачиваемыми профессионалами и их воля, упорство, натренированность были направлены на выигрыш только потому, что с каждой победой появлялась новая возможность увеличения заработка.

Мальчик все это знал, но не видел в

этом ничего предосудительного. Чем лучше игрок, тем больше денег! Он знал всех играющих по имени, их слабые и сильные стороны, их привычки и даже их семейное положение. Сейчас он был среди них. Помогал им движениями рук, наклонами тела, нервным подергиванием лица. Ему казалось, что даже его парализованные ноги двигались.

Удар игрока! Наигранная поза! Сто тысяч человеческих выдохов слились в мощное:

— А а а х!!!

И в пределе нервного напряжения что-то не выдержало в детском физически хрупком организме. Он вяло сник и повалился на ручку кресла. Из угла рта медленно закапала кровь.

Сознания уже не было, но мозг продолжал работать. И он увидел себя красивым, сильным и молодым на древнем стадионе Елиды в Олимпии. Все было так, как он читал об этом.

Состязания по бегу только что закончились. Избранные по жребию судьи в пурпуровых тогах спокойно оценивали достижения соревновавшихся. Зрители в ожидании их решения, затаив дыхание, мол-

чали. Наконец старший из восьми судей встал. Он говорил о красоте, силе, ловкости атлетов и назвал Его имя, как победителя. Он подошел к судейским скамьям. Один из судей возложил на Его голову венок из дикой оливы, второй передал в руки пальмовые ветви. После этого, сопровождаемый герольдами, Он прошел в центр стадиона и поднялся на бронзовый треножник.

Герольды во всеуслышание объявили решение судей, и зрители долгими рукоплесканиями приветствовали победителя сильнейшего из сильных, ловкого из ловких, красивейшего из красивых!

**
*

Последняя судорга прошла по телу мальчика. Он передернулся и затих.

**
*

А на невыключенном экране телевизора многоголосо ревела обезумевшая толпа. На стадионе шла драка — взмахи поли-

цейских дубинок, летящие с трибун бутылки, крики задавливаемых!

И все это заглушал истерически-веле-речивой скороговоркой поднявшийся до фальцета голос репортера, сообщавший миллионам телезрителей последнюю сенсационную новость спортивного мира.

ПРОПАСТЬ

Девять молодых только что прибывших практикантов — будущих биологов пришли в аудиторию. Эта комната была по размерам больше других, поэтому она и использовалась для собраний. Немного смущенные обыденностью лаборатории, размещенной в двух стандартных деревянных домах на окраине города, студенты расселись за простыми столами. Вдоль стен стояли клетки с крысами. От них шел трудный запах.

Когда директор — руководитель лаборатории вошел в комнату, все стихло. Его имя было известно всему миру. Несвежий серый халат висел на нем мешковато.

— Я буду предельно краток, — начал он. — Мы продолжаем исследования русского ученого Павлова о рефlekсах. Как вы знаете, он доказал, что раздражитель,

извне воздействующий на корковые клетки мозга, вызывает ответную реакцию. Эта реакция организма может быть врожденной и в этом случае она по Павлову называется безусловным рефлексом. Но ответная реакция может быть и приобретенной, тогда она называется условным рефлексом. Последний может быть получен путем тренировки. Некоторые из условных рефлексов позднее наследственностью превращаются в безусловные, то есть врожденные.

Ученые мира, развивая это открытие, за последние десятилетия добились очень многого. Мы теперь знаем, что информация от внешних органов чувств передается по нервной системе к мозгу электрическими импульсами. Но они иные чем известные нам обыденные электротокки. Эти импульсы проходят по ответвлениям нервных клеток нейронов и их окончаний синапсов.

Оказалось, что в процессе рефлексов в синапсах происходит накопление гормонов. — Что-то заставило директора сделать длительную паузу. — Появление гормонов, то есть **ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ** при исследованиях духовных

начал человека, возможно, будет поворотным пунктом в истории человечества.

Он замолчал, прошелся по комнате и, глядя в пространство, добавил:

— Я не хочу затрагивать теперь очень сложного вопроса о взаимоотношениях физиологических процессов с духовной жизнью человека. В своих работах, в будущем, вы сами придете к этой дилемме. Сейчас можно только сказать, что Павлов, разрабатывая проблему рефлексов, был верующим человеком.

Он опять молча и долго стоял, не глядя на слушателей.

— Наше открытие дало нам идею, добиваясь приобретения определенных условных рефлексов, накопить в синапсах крыс гормоны. Они оказались довольно простым однородным белком, содержащим около пятнадцати аминокислот. Биохимики искусственным путем создали нам этот белок.

Тогда мы сделали инъекцию этого белка животным и они сразу же приобретали именно те рефлексы, которые мы получили у подопытных крыс.

Это величайшее открытие мы и будем...

повидимому... развивать в наших дальнейших исследованиях.

В заключение я хотел бы напомнить вам, что в научных работах особенно важно воздержание от преждевременных выводов. Будьте терпеливы и никогда не торопитесь с заключениями!

Молодежь поднялась и шумно вышла из аудитории.

**
*

В клетках шуршали и тихо попискивали крысы.

Директор долго, понуро и одиноко стоял в опустевшей комнате.

**
*

Вечером он сидел у своего духовника-священника.

— Отец! Я не мог им сказать, что это открытие ведет к низведению ЧЕЛОВЕКА и его ДУХОВНОГО НАЧАЛА к простому физиологическому Существо.

Я не мог им сказать, что все это в сравнительно недалеком будущем ставит нас

на порог возможностей открытия препаратов, позволяющих создавать человека с нужными рефлексами, начиная от всему повинующегося раба и кончая гением.

И во всём этом я виноват, я виноват перед людьми!

Он опустил голову и глухо закончил:

— Но они, будущие поколения, все равно продолжат и проведут в жизнь это ужасное открытие. И ничто их не остановит, как не остановило нас!

**

Духовник молчал.

В комнате было тихо.

Маятник больших старинных часов мерно отстукивал время и неумолимо передвигал стрелку в пропасть будущего.

ПЕСНЯ

Уже три дня, как началась война!

Все эти три дня он оставался дома, большей частью сидя в кресле.

Все эти три дня радио было включено. Спокойный и уверенный голос диктора распоряжался его жизнью и жизнью миллионов других людей.

Всем было предложено не выходить из домов и быть готовым к атомной атаке.

— Против-ник, не считаясь ни с чем, — твердо, четко и отдельно выговаривал диктор, — в виде психологи-ческого эффекта может сбросить атомные бомбы или послать термояд-ерные ракеты...

Далее следовала полная инструкция, как избежать воздействия взрывов.

— Но прави-тельство внимательно следит за действиями врага и сделает все, чтобы предотвратить это...

Три дня жизни в условиях возможной ежесекундной катастрофы — срок очень большой! И тогда на четвертый день начали передавать успокаивающую музыку. Мелодии и песни чередовались с официальными сообщениями.

Вот девичий голос запел под аккомпанемент гитары:

Когда я встретила тебя в первый раз,
Я посмотрела в твои глаза
И я увидела, что в них засветилось Солнце!

Когда я взяла тебя за руку в первый раз,
Мне мир показался иным
И я поняла, что наш путь ведет к Солнцу!

Когда я поцеловала тебя в первый раз,
Ты и я слились в одно
И мы познали вечности Солнце!

Когда я...

**
*

Что-то и где-то случилось в этот момент. Радио прекратилось. Слушатель остался недвижим в кресле как живой. Только лицо и руки его покрылись красными, зелено-желтыми и темными пятнами.

ДВЕ СУДЬБЫ
или
ПОЧЕМУ ИНОГДА МОЛЧАТ

Собака лаяла всю ночь. Соседская собака Рика. Она смешная, какая-то медленная, на людей не лает, встречает их молча и только смотрит.

А сегодня Рика лаяла всю ночь. Незлобно — так просто лаяла. Сначала около домов, потом отошла и затем издали, еще долго, слышался ее однотонный и мерный лай.

Дома — наш и наших соседей — стоят в полях, летом таких зеленых и бескрайних, и Рике в их просторах есть где погулять и полаять.

Каждое утро она приходит к нам здороваться. Ткнет в колено носом, махнет два раза хвостом и смотрит. Она вся белая, только два черных пристальных глаза

и черный нос. Жена или я даем ей кусочек. Она все принимает без эмоций и лишних движений, будь-то вкусное сало или, просто, хлеб. Берет осторожно, чтобы не задеть зубами пальцев дающего. Проглотив, она неторопливо уходит и ложится между домами.

Наши соседи — муж с женой. Они взяли ее в «Обществе спасения животных». Когда они обходили ряды клеток, собаки бросались к передней сетке, лаяли, поднимались на задние лапы: все они хотели, чтобы люди взяли их забытых, потерянных, брошенных.

Лишь одна стояла недвижно и только просительно смотрела.

— Рика! — а почему «Рика» не зная, позвал ее сосед.

Рика, не двигаясь и не отрывая черных глаз, слабо помахала хвостом.

— Я думаю, она пережила какую-то драму, — сказала соседка. Муж, соглашаясь, молча кивнул головой.

И они взяли ее.

Нельзя сказать, что мы были друзьями. Рика своим поведением установила границы наших взаимоотношений. Ее чувства к нам были весьма сдержаны. А мы очень

любили ее, но никогда не выявляли обычного отношения людей как к бессловесному животному.

Так мы и прожили два года.

**
*

Перед обедом к нашему дому подошел немолодой человек. Рика, как и всегда не лая, встретила его и, следуя за ним, вошла внутрь.

— Нет ли какой-нибудь работы? — спросил он.

— Как нет, — ответил я. — Вон дуб свалило последней бурей. Надо бы, распилив на дрова, убрать его. А одному не под силу — староват стал. Только платить много мы не можем.

— Что дадите, того и хватит, — сказал незнакомец.

— Добро! — ответил я. — Но перед работой надо сперва поесть. А пока нам готовят обед, мы посидим.

Он молча сел. Жена накрыла стол, а затем подала еду. В полном молчании мы провели и закончили обед.

— Что-то с разговором у нас не получается, — улыбаясь, сказала жена.

Незнакомец пытливо взглянул на нее:

— Обо мне знать хотите?

— А что ж! Все мы люди.

Он помолчал, приглядываясь к нам.

— Ну если вы такие, то пожалуй и расскажу. Одинокий я. В последнюю войну в плену был. Там над нами во имя высоких идей, для человечества так сказать, опыты проводили. Многие перемерли, а я выжил, но остался наполовину инвалидом.

По возвращении домой, меня подлечили и даже легкую работу подыскали — в лаборатории подопытных собак. — Он долго молчал. Затем как-то неохотно продолжил:

— Люди и не знают, что для них гибнут вот такие, — он кивнул в сторону лежащей и смотревшей на него Рики, — тысячами. Ученые молчат. Не любят говорить об этом — «Люди, мол, счастливее будут».

Одну из них такую же белую и черноглазую очень долго в специальном станке держали. Все добивались и голодом и разными воздействиями «независимого от нее слюнотечения». И эту слюну, — он

горько усмехнулся, — по каплям подсчитывали. — Замолчав, он отвернулся и глядел в окно. Его кадык высоко поднялся и опустился.

— А она не сдавалась... Другие быстро сдавались, как мы в плену. А эта нет — боролась с клеткой, визжала, царапала стенки, кусала прутья! Полгода так длилось! Отдышка у нее уже началась, а она борьбу все продолжала и продолжала!

Тогда руководитель лаборатории решил, что у нее «хорошо изолированная физиологическая реакция свободы». Понимаете? А вот о возможной ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ реакции СВОБОДЫ этот знаменитый ученый и не подумал. А может и думал, да не сказал. — Помолчав, он встал и что-то невнятно пробормотал. Мне показалось, что это было «Проклятый двадцатый век!»

— Ушел я из этой лаборатории. Хожу по свету. Есть и добрые люди не такие, как начальство в лагерном плену или ученые в лабораториях, дают и поесть и поработать.

Удивляются только все, так же как и вы — почему я молчу!?

**
*

Мы распилили дуб и перенесли дрова под навес, сложив их в поленницу, не сказав за все время работы слова.

Перед уходом незнакомец и Рика долго смотрели в глаза друг другу. Потом он медленно, не оборачиваясь, пошел от дома.

Соседская тихая Рика молча следовала за ним.

ТРИ ЛЕКЦИИ

I

Аспиранты университета собирались в их комнате.

Только что законченное, отвечающее всем современным требованиям здание Факультета социальных наук блестело громадными окнами-глазами в свете утреннего солнца. В комнате-аудитории, как в гостиной, разбросанно стояли мягкие кресла; податливыми стенками и спинкой они глубоко всасывали садящихся в них, покоили их тело, заставляя работать мозг. Пол, покрытый сплошным длинношерстным ковром, поглощал шорохи и шумы движений. Только лекторская кафедра немного была старомодна и чем-то напоминала старые студенческие классы-аудитории.

Профессор-женщина вошла точно, минута в минуту назначенного времени. Неопределенного возраста в сером подчеркнуто-безликом платье, с небрежной прической она, неожиданно для ее облика, заговорила мягко, но настойчиво.

— Сегодня мы побеседуем о проблемах современной семьи. Я намечу только тезисы. Детали выявятся в нашей дискуссии. — Ее голос, отраженный от специальной конструкции потолка, звучал ясно и отчетливо.

— Чем характерна современная нам семья?

Она обесцвечивает жизнь, как мужчин так и женщин своей недвижимостью.

Она эксплуатирует женщин и изолирует их от общества.

Она ограничивает физические чувства супругов однообразием и, тем самым, вносит элементы скрытой неудовлетворенности, что нарушает нормальность психики.

Она создает такой порядок взаимоотношений супругов, который связывает импульсы их духовных, творческих начал.

Все это подтверждается громадным процентом несчастных браков и, как следствием этого, разводов.

Отсюда мы можем сделать вывод: семья, ныне существующая, созданная, главным образом, на религиозных предпосылках и с большой долей вмешательства государства, в свете новых требований, предъявляемых человеческому обществу, отжившая и нежизнеспособная традиция.

Но что мы можем противопоставить ей?

Современные социологические и психологические исследования доказывают необходимость замены ее новыми формами взаимоотношений между полами.

Формы этих взаимоотношений могут быть разные и с точки зрения современника спорные или даже аморальные. Но как и все в жизни они будут найдены и уточнены в процессе их становления и приняты большинством общества. Сейчас же можно сказать, что прежде всего необходима свобода выбора и свобода расторжения связи между мужчиной и женщиной. Затем освобождение новых взаимоотношений от всякого попечительства государства и религий. В далеком будущем возможно также и полное освобождение женщин от деторождения и производство детей искусственным путем.

Я очень кратко изложила тезисы моей

темы. Все эти проблемы мы и обсудим в нашей дискуссии.

Она сошла с кафедры твердой походкой и села — утонула в кресле.

II

После перерыва в аудиторию вошел с бледным лицом высокий молодой профессор. Его прическа и костюм говорили о том, что он не хочет отличаться в чем-либо от своих студентов. Сначала вяло и как-то неуверенно, но затем, постепенно оживляясь, он начал свою лекцию о человеке и обществе будущего.

— Нам трудно представить будущее. То, что происходит на наших глазах, это только малая часть длительного процесса развития человеческого общества, а следовательно, развития самого человека. Правда, быстрота процесса приняла головокружительную скорость в последнее пятидесятилетие.

Можно предполагать, что человек и психологически и физиологически в далеком будущем станет иным. Современные органы его чувств в основном трансформиру-

ются или даже отомрут и будут заменены новыми. Иные формы познания в его мозговой коре разовьются настолько, что сделают его как бы всеведающим и всемогущим. Дети того времени уже будут рождаться с элементами космического познания.

Новые формы социальной жизни пока еще очень трудно предопределять.

К сожалению надо отметить, что путь этот пройдет через цикл войн и революций, которые уже фактически начались. Они не только будут заменять омертвевшие формы современной цивилизации, но и разрушать ее. Это поведет, возможно, к уничтожению крупных скопищ-городов всей нашей планеты, как неприемлемых более к нормальной жизни и, что более печально, к уничтожению большей части и самого человечества.

Оставшиеся люди приступят к осуществлению нового, неведомого нам человеческого бытия в более тесном общении с космосом. Этот процесс будет очень длительным. Но замечательно то, что уже сейчас мы как-то можем чувствовать, предугадывать и, следовательно, быть пророками этого будущего.

Лектор, сутулясь, сошел с кафедры и, сев в мягкое кресло, стал невзрачным и маленьким.

— А теперь приступим к дискуссии, — предложил он.

III

Прошел обед. Аспиранты вновь собрались в аудитории. Профессор средних лет с умными, усталыми глазами, поднявшись на кафедру, долго и молча смотрел на слушателей.

— Моя лекция озаглавлена «Ученые будущего». Но сегодня мы обсудим лишь роль и значение элиты, то есть избранной, ведущей группы ученых будущего, которая будет определять пути, подготавливать и свершать вхождение человека нашей планеты в мир космоса.

Возможно, что некоторые из вас войдут в состав этой элиты сверхученых в только еще начинающемся новом периоде человечества. Он характерен тем, что современный уровень знаний достиг предела, когда грани точных наук и философии, изучающей общие принципы познания и

бытия, начинают стираться. Прошу обратить особое внимание на следующее: ПРИНЯТЫЙ РАНЕЕ ПОСТУЛАТ, ЧТО ВСЕ ПРОИСХОДИТ ЗАКОНОМЕРНО И ВСЕ ДОСТУПНО НАШЕМУ РАЗУМУ, ЯВЛЯЕТСЯ ОКОСТЕНЕВШЕЙ ДОГМОЙ И НАЧИНАЕТ ТОРМОЗИТЬ ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД.

Вы вступаете в период, когда знания, посредством которых будут решаться проблемы человечества, окажутся недоступными массе людей в силу их сложности. Только избранные и немногочисленные ученые будут носителями познания и пре-
доопределения будущего.

Ученые будут «алхимиками» своего времени и от них будут зависеть судьбы человечества. Но на них ляжет и вся моральная ответственность творимого. Они, будущие сверхученые, чтобы исполнить налагаемые на них сверхвысокие и необычайно трудные задания, должны стоять на платформе сверхморали, недоступной влиянию принадлежности к расе, партии, религии, государству. Они должны быть выше их личного «я». Они должны быть сверхлюдьми в ореоле Правды, Истины, Справедливости!

ОРГАНИЧЕСКОЕ СОЕДИНЕНИЕ ТОЧНЫХ НАУК С ОТВЛЕЧЕННЫМ МЫШЛЕНИЕМ И СВЕРХИНТУИЦИЕЙ БУДЕТ ПЛАТФОРМОЙ РАСКРЫТИЯ БУДУЩЕГО!

Профессор замолк и испытующе смотрел на аспирантов. Затем очень медленно и тихо сказал:

— ВОЗМОЖНО ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ И В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ УЧЕНЫМ ВНОВЬ ПРИДЕТСЯ ПРИДТИ К БОГУ!

Он опять долго молчал.

— Мне, как представителю нашего времени, присущи пороки ограниченности человека в его понимании общественных явлений в силу зависимости его суждений от внешних факторов. Поэтому моя лекция, мои слова несовершенны, и я прошу извинить меня за это. Но я счастлив тем, что теоретически могу оторваться от моего «я» и, хотя бы схематически, наметить вам силуэт будущего.

Он спустился с кафедры. Блестевшие глаза и длительные аплодисменты аспирантов были ему наградой за лекцию. Молодая девушка, вскочив, уступила ему кресло в центре группы.

Началась оживленная дискуссия.

Ученые готовят новые формы жизни, требующие изменения не только физиологического, но и сокровенно-духовного начала человека, тысячелетиями установленного и данного Кем-то!

Политики, на основании якобы передовых идей, ломают и коверкают старые устои и на обломках пытаются строить новое, современное, уверяя, как и всегда, что это для всеобщего блага!

Начетчики в ряде стран твердят о теории переустройства общественных взаимоотношений, давно уже опрокинутой жизненным опытом!

Церковь, зажата тисками прогресса и сумасшествием науки, мечется в поисках ответа!

Часть молодежи мира, толкуя об одномерности современника, психоанализе, отрицая опыт прошедшего, живет в растерянности, в сексе, в потустороннем мире наркотиков или уходит в лжерелигии!

Мысль лучших представителей нашего

общества бесплодно бьется, пытаясь разрешить проблему духовного опустошения и моральной загрязненности современного человека!

**
*

А люди рождаются, живут в повседневных горестях и радостях, мучаются и умирают, так и не узнав об этом, но претерпев на себе все практические эксперименты этих идей!

Среди них и я!

А Ты?

™

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Краб	5
Неизбежность	7
Человек	10
В полете	12
Искание	15
S. O. S.	17
Невозможное	19
Круг	23
Часовщик	27
Суд	30
Мальчик у экрана	36
Пропасть	40
Песня	45
Две судьбы или почему иногда молчат	47
Три лекции	53

Последние книги Н. Троицкого

1. Борис Леонидович Пастернак, 1890-1960. Библиография произведений Б. Пастернака и литературы о нем на русском языке. С.Ш.А. 1969 г.
2. Земля и люди. Новеллы. Мадрид. 1972 г.
3. Идет человек... Новеллы. Мюнхен. 1972 г.
4. Круг. Новеллы. Мадрид. 1973 г.